

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Материалы VI Международной научной конференции
Иваново, 7-8 февраля 2007 г.

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2007

Г.В. Панченко

Старший научный сотрудник исторического отдела Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Гонения на церковь в Плесе в 20-30-е гг. XX века по воспоминаниям очевидцев событий и их потомков

Данная работа написана по материалам воспоминаний плесских жителей: Ивана Павловича Шемякина, Галины Петровны Абрамовой 1926 г.р. (очевидцев событий) и Галины Владимировны Высотской 1932 г.р., внучки священника Павла Алексеевича Молчанова, служившего в Петропавловской церкви г. Плеса. Иван Павлович Шемякин и Галина Петровна Абрамова, находясь еще в детском возрасте, стали невольными свидетелями борьбы советского строя с церковью. Оказав сильное и болезненное воздействие на детскую психику, эти события оставили глубокий след в их памяти.

Из воспоминаний Галины Владимировны Высотской, записанных автором, мы узнаем о том, что одним из сильнейших приходов в Плесе после Октябрьской революции был приход Петропавловской каменной церкви, к которому относились кроме Петропавловской горы города Плеса, деревни Скородумка, Татищево, Пеньки, Горшково, Кочергино, Мальцево, усадьбы «Утешное» и «Хмельницы». Конечно, во многом это зависело от личности настоятеля Петропавловской церкви – Павла Алексеевича Молчанова.

Павел родился в 1887 [2] году в большой крестьянской семье в с. Колшево. Его, младшего сына, родители решили вывести в люди, дать образование и направили учиться в Костромскую духовную семинарию. По окончании семинарии Павел женился на Наташе, дочери священника Ивана Беликова из с. Хреново под Вичугой, и получил приход в Петропавловской церкви г. Плеса [1, л. 3-4]. По словам Галины Владимировны, Павел Алексеевич был человек «очень образованный, очень много читал, знал. У него была огромная библиотека» [1, л. 4].

Приход Петропавловской церкви был одним из самых посещаемых после революции. Галина Владимировна вспоминает: «Все сливки общества того времени, все были возле него, потому что он очень образованный был, много знал, человек очень интересный. Вел службу не только хорошо, а преотлично, и, как выражались, как артист, говорят, был на службе. И все тянулись, вот эти богатые, тянулись к нему на службу и причащались у него. А вот поп Костя из Троицкой церкви [имеется в виду Константин Островский – от автора] очень был

зол на него, потому что его-то прихожане, богатые то вот особенно, шли к отцу Павлу. Ну, поп Костя, по всей вероятности, был связан и с коммунистами, потому что он не хранил тайну исповеди. Его за это не любили» [1, л. 4]. Она продолжает: «Еще при его жизни Шаляпин у них бывал, когда приезжал проездом вместе со Щулепниковым. А с Щулепниковым дедушка был большими друзьями, гостили с семьями» [1, л. 14].

После свершения Октябрьской революции, по воспоминаниям Г.В. Высотской, к отцу Павлу «часто ездили, всё искали какого-то оружия и, по-видимому, золото искали. В подвал залезали и начинали овощи перекидывать и шпагами расшвыривать. Ну и дедушка им как-то сказал: «Вы мне продукцию не портите. Я ее вырастил для скотины». Скотину они держали. У них было две племенных коровы. Одну корову они отдавали крестьянам исполу, то есть за это они должны были помочь дедушке в сенокосе. Ну, корову осенью возвращали, а теленок оставался у крестьянина. И разводил племенных овец. Тоже исполу раздавал овец по крестьянам. Ему должны были вернуть овцу осенью и четвертого ягненка. Если четвертого нет, то значит ничего. У них всех по четыре ягненка рождалось. Ярочек отдавал, а барана себе забирал, четвертого-то, так чтобы у крестьян все овцы были бы племенные» [1, л. 1].

Священнику Павлу Молчанову назначили большой налог – две тысячи рублей. Однако, несмотря на сложные отношения с городскими властями и недостаток средств, отец Павел находил возможность оказывать помощь другим пострадавшим людям. Как вспоминает его внучка, «вокруг него много было вот таких же репрессированных или бежавших от революции, в основном художники [в том числе, судя по последующим воспоминаниям, – иконописцы – от автора], преподаватели. Художников-то он принимал, обедами их кормил, содержал их материально. Расписывали они у него... «Бесплатно, вроде, нам неудобно». «А что я вам дам, какие дела вы можете делать, вы – художники. Ну, вот расписывай печку». Какому художнику, фамилию я не помню. Двери расписывали. Приходили хоть питаться, хоть накормить-то есть, у него все было» [1, л. 2]. «Его научили вот эти образованные люди обратиться к Луначарскому. А Луначарский ведь он туберкулезник был, он отдыхал у нас в Плесе [в июне 1919 г. – от автора]. И вот дедушка то его стерег и встретился он с ним, знаете Козий мостик через Шохонку, туда к санаторию, спуск с горы, каменка тут. Где-то в этом месте он встретил Луначарского, разговаривал с ним. Оба человека очень образованные. И Луначарский после этого разговора с него снял тысячу налога, больше то, говорит, я не могу. Я, говорит, не полномо-

чен. Ну, видимо, Луначарскому как человек он очень понравился... А вторую тысячу я уж не знаю, выплачивали ли они? Наверное, выплачивали, я не знаю» [1, л. 4].

Со слов матери Галина Владимировна запомнила и о том, как была разрушена Петропавловская каменная церковь, хотя вполне возможно, что речь велась о разрушении часовни на Петропавловской горе. Точную дату этого события она не помнит, но предполагает, что это произошло в 1924-25 гг. Г.В. Высотская рассказала, что «ломали ее для того, чтобы в Горшкове сделать ферму. Ну, конечно, ведь из церкви что сделаешь, крошек накрошили... Комсомольцы тут собрались, дедушка пришел к ним: «Что вы делаете, ведь придет время, восстанавливать надо будет» [1, л. 1].

Когда мы спросили Галину Владимировну, почему разрушение плесских храмов началось именно с Петропавловского прихода, она ответила: «Потому что все сливки там были, потому что все богатые туда шли, и потому что вообще-то с языком он [отец Павел – от автора]... Знаете, такие люди – подкусить, подцепить. Очень умный был. А здесь пароход стоял, вы, наверное, должны знать. Я не знаю, военный или какой, какой-то корабль стоял, зимовал [зимой 1918-19 гг. в Плесе зимовал миноносец «Сторожевой» – от автора]. И вот там один такой коммунист собирал народ и выступал, а народ то все кричал: «Пра-и-льно!» Что не скажет: «Пра-и-льно!» А дедушка нет, да встречу чего-то. Правильно – не правильно. А человек, видимо, был не больно образованный – этот самый [в качестве оратора выступал, видимо, Геч. – от автора]... Уж мама мне и говорила, выражения какие употреблял он, и какие дедушка вопросы задавал, но я уже не помню, ведь мне тоже уже восьмой десяток. В конце концов, договорились до того, что... «Вы – бараны!», – этот, с парохода. А народ: «Пра-и-льно!». Правильно, бараны. Ну а дедушка ... встречу чего-нибудь скажет. Ну, в общем, человек был на заметке. Он явно был не коммунист» [1, л. 5-6].

Одним из этапов борьбы с церковью и хранителями веры в Плесе было инициирование отречения плесских священников. Г.В. Высотская вспоминает: «Ведь их собирали, всех священников, на Соборную гору, чтобы они отреклись, расстриглись. С Варваринской-то церкви в то время уже уехал на пенсию тоже какой-то дальний родственник Высотских – Лаговский [протоиерей Николай Александрович Лаговский – от автора]. ... Поэтому его там уже не было. А поп Костя был, видимо, предупрежден, он скрылся. А вот с Пустынки, с Соборной горы, с Воскресенской и Петропавловской их собрали четверых, предложили расстричься. Дедушка мой отказался. «Я, – говорит, – дал клятву, я расстригаться не буду, отречься не буду». С Воскресенской церкви – то

же самое, а вот с Пустынки и Соборки эти публично на Соборной горе прилюдно расстриглись. В общем, этих вот двух священников, их обоих, и сослали. Вот Галина Петровна знает, как с Воскресенской ... забрали прямо со службы, а нашего забрали ночью» [1, л. 5].

Арестовали отца Павла в 1929 или 1930 году. Внучка священника вспоминает: «А везли когда из Иванова их, везли вместе с уголовниками. На нем была вся одежда очень хорошая: полушубок теплый, яловые сапоги, шапка теплая. Это было зимой, видимо. Мама так вот описывала. И с него уголовники все это сняли. А он страдал ангиной, и он от ангины в конце концов и умер там, на Севере» [1, л. 3]. Умер Павел Алексеевич Молчанов, по сведениям Г.В. Высотской, где-то или в конце апреля, или в начале мая 1933 года в лагере, где сидели, в основном, священнослужители. «Мама поехала туда, приехала, и как раз разлились две реки, и к ним не попасть. Что за реки? По-моему, одна то – Вычегда, а другая то – не знаю. И никто не соглашался ее перевезти туда, потому что это было огромное море, и погода стояла плохая. Потом все-таки ее перевезли туда. Приехала она туда, он уже умер, и его уже похоронили, похоронили со всеми почестями» [1, л. 3].

Нелегкой была и судьба его детей. Галина Владимировна вспоминает: «Дедушку уж сослали когда, всех детей признали лишенными права голоса. Младшего сына в 7 класс не пустили, он был отличник, а какие-то двоечники там учились. Не допустили, и вот он в 14 лет, Алексей Павлович Молчанов, в 14 лет пошел на карьер гравий тачками таскать, возить. Был высокий ростом, но 14 лет 14 и есть. И сознание терял, и не под силу с мужиками работать было. Какой-то родственник бабушкиной сестры был в Костроме профессором математики, писал Сталину, чтобы его допустили. Допустили на следующий год» [1, л. 2]. Семья после ареста отца Павла была вскоре потеснена в своем доме на Петропавловской горе. Галина Владимировна вспоминает: «Оставили им комнатку, да кухню (тут как пристройка была), а в дом поселили людей. Теперь он разрушился» [1, л. 14].

В 1935-36 гг., по личным воспоминаниям Г.П. Абрамовой, арестовали священника Воскресенской церкви «прямо со службы, из алтаря. Служба была, они прошли сквозь нас и его забрали» [1, л. 5].

Особенно рьяно в борьбе с верой проявлял себя Кузьма Семенович Данилов – Кузя Бес, как прозвали его в Плесе. Благодаря его деятельности, вспоминает Г.П. Абрамова, «33 человека из Пlesa ушли. Вот с нашей улицы, улицы Льва Толстого, здесь на горе около школы, не доходя отсюда, увели из дома Пряхину Вассу. Она молилась богу, ее

грех весь в этом был. Они были не богатые» [1, л. 6]. «У него все были, как говорится, в его руках: и семья делала то, что надо делать, что заставит. Тоже где подслушивали, где что... Ведь знаете, в школе всегда тоже: «Как у тебя там мама? папа? Молятся богу? Иконы у вас есть?» Уже мы были все научены: «У нас икон нет, у нас они не молятся». Вот, хотя у нас иконы все время висели дома» [1, л. 7].

Другим воинствующим атеистом был Михаил Кабановский. Галина Петровна рассказала, как они с отцом однажды пошли на службу: «И вот зашли мы с отцом в церковь Воскресенскую, заходим на паперть, народу – одни коммунисты стоят, одни мужики. Я-то, собственно, не так уж и разбиралась в них, но мы их уж побаивались. Этот Кабановский берет отца за рукав и говорит: «Ты куда идешь?» Он говорит: «Как куда?» Папа стал молиться, перекрестился, и я крещусь. «Сам ходишь, веришь, не знаю кому...» – ну начал то все против, – «И девчонку повел, разлагаешь ребятишек! Ты знаешь, мы тебя сейчас посадим». Папа говорит: «Сажайте!». Ну, потом что-то ничего, отец прошел, я за ним. Мы зашли в церковь, стали стоять службу. Ну, какое уже настроение? Он постоял, постоял... И я, как вцепилась ему в полушубок, он в полушубке был, схватила его так... Вот чего уж делать. Он: «Пойдем, дочка, домой, пойдем». Мама говорит: «Что это вы как рано пришли?» Он говорит, так и так вот получилось. «Ой, ой, ой, ой». И вот, сколько дней, да они, наверное, не дней все ждали: «Вот придут, вот придут и заберут, вот придут и заберут». И знаете, как было? Значит, вот сидим дома: я, например, рисую, папа что-то делает, лампа горит, ну, а мама чего вяжет... слышим: «Скрип, скрип, скрип, скрип». К окошкам уже подходят, шарят у окна ухом – о чем говорят. Что они могут услышать и что они могут наврать? И уже дома то все: «Тш!!!» Вот так жили» [1, л. 7].

Рукописное описание сбрасывания колоколов с храмов на Соборной горе оставил житель г. Плеса, Иван Павлович Шемякин. Он писал: «Стояла пора золотой осени. Но погода не радовала. Мелкий, нудный дождик с северным ветром навевали грусть. Деревья, еще не сбросившие свой летний наряд, жалобно скрипели, раскачиваясь на холодном, мерзком ветрище, роняя листву. В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит. Мы же, подростки, после учебы – бегом на Соборку. Тем более будут сбрасывать колокола. Несмотря на непогоду народу тьма. Женщины в темных платках истово крестились, шепча слова молитвы и проклиная тех, кто затеял это мерзкое, грязное дело. Мужики сердито из-под насупленных бровей, недоброжелательно даже

с угрозой посматривали на К. Данилова, М. Кабановского и других активистов-безбожников.

Даже мы, пострелята, и те слова не проронили.

Стояла мертвая тишина! И вот летит первый небольшой колокол, активисты, взявшись за веревку, сбросили его. Еще колокол не коснулся земли, а вздох-стон пронесся над толпой. Многие падали на колени, осеняя себя крестным знамением. Второй, третий, почти все колокола раскололись или дали трещину. Куски разлетелись, в них проглядывало светлое сияние вкрапин. Это серебро для мелодичного, нежного, ласкающего ухо звука. Подобрал один кусочек. А самый большой колокол долго не хотел покидать родной дом-колокольню. Вот он накренился, повалился на бок, зацепился за край проема. Его тянули, тянули, а он не сдавался, как солдат чуя свою гибель!!!

Сила солому ломит. Кто-то влез, перевязал веревку, и под уханье тянувших колокол нехотя подъехал к краю колокольни, остановился, посмотрел вниз и сам, как будто бросился в пропасть...

Землю потряс страшный удар, послышался скрежет, стон, мягкое звучание все тише и тише...

А народ: мужики сняли картузы, даже те, кто тянул. Женщины бросились к колоколу, нежно его гладили, целовали, обливали горячими слезами...

Мой тесть Углов А.А., работая почти всю жизнь на пристани, да и Дм. Добровольский говорили, что один из всех колоколов остался и послужил делу. Это небольшой колокол с Троицкой церкви, долгое время висевший на пристани, сам не раз, по разрешению Ал. Ал. [Алексея Александровича Углова, шкипера плесской пристани – от автора] держал за веревку, давая этим знак к отправке парохода или одного из трех гудков, предупреждающих к отвалу. Он сохранился и до сих пор находится у К.К.Введенского, начальника пристани г. Плес» [3, л. 1].

О том, как сбрасывали колокола с Воскресенской церкви, помнит Галина Петровна Абрамова. По ее сведениям, это случилось в 1936 г. В этом же году сбросили колокола и с Троицкого храма [1, л. 11].

На вопрос, что делали с иконами, когда разоряли церкви, Галина Петровна Абрамова ответила: «Позвала меня мама, как-то были внизу, там [на Набережной, ныне ул. Советская – от автора], и говорит: «Пойдем, дочка, зайдем в столовую». Сейчас это ресторан, такой весь, а тут была столовая. Взошли, значит, подошли к столикам, и вот, вы знаете, из больших икон, из больших икон они сделали столы, стол. И, значит, Богородица лежит кверху ликом. Ни салфеточки, ни клееночки, ничего, просто на этих богов ставили тарелки. Там они и лили, там и все. Ходили с тряпкой потом, вытирали и ножом царапали. И мама повернулась сквозь слезы и говорит: «Пойдем, дочка, отсюда». И пошли. Какие ико-

ны, какие иконы!» [1, л. 19]. И она продолжила: «Вот иконы из Воскресенской церкви еще... их выкидывали, просто выкидывали. Вот просто весь двор был завален иконами деревянными. И однажды я попала вот в такую ситуацию. Значит, идут женщины из деревни... Идут, и одна другой говорит: «Давай возьмем по иконке». И они, значит, наклонились, выбирают. Думаю: «И я сейчас возьму». Я маленькую такую иконочку какую-то взяла, и вдруг раздается голос Кузи: «Это что такое! Да я вас сейчас посажу! Да они еще тут иконы...» «Какие... да мы вот только один...». «Я тебе дам образец, такой образец дам!» Она: «Да мы ведь ничего ведь не сделали». «Да, я вам говорю, что сейчас вас посажу, посажу обеих». Я, милые, пятком, пятком, иконочку то эту... Домой то я бежала! Реву, прибежала. Мама говорит: «Что ты плачешь?». Я говорю вот так и так. «Да, ладно, успокойся, дочка, а больше уж не бери» [1, л. 19-20].

Даже столь отрывочные воспоминания о гонениях на церковь в г. Плесе указывают на то, что это была вполне планомерная акция властей, направленная на ликвидацию (моральную или физическую) священников и их приходов. Новая власть, очевидно, видела в последних опору старого строя и один из источников формирования возможной оппозиции советской власти.

Конечно, воспоминания о столь далеких днях могут грешить временными и фактическими неточностями и нуждаются в проверке с помощью других источников. Но, тем не менее, они более сильно, чем официальные документы, передают образ той эпохи. Благодаря им, мы смотрим на события того времени как бы изнутри, чувствуя страх и боль верующих, подвергаемых гонениям вместе с православной церковью.

Библиография:

1. Воспоминание-беседа с Г.В. Высотской и Г.П.Абрамовой, записанная Панченко Г.В. 26.08.2006// АИО ПГИАХМЗ. Ф.3. Оп. 1. Д. 78.
2. Именной список лиц, лишенных избирательных прав по г. Плесу Середского уезда// ГАИО. Ф. Р-980, оп.1, д. 308.
3. Шемякин И.П. Колокола// АИО ПГИАХМЗ. Ф.3. Оп. 1. Д. 79.

Список сокращений

АИО ПГИАХМЗ – архив исторического отдела Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

ГАИО – Государственный архив Ивановской области